

ОБРАЗ ОТЕЧЕСТВА В КОРРЕСПОНДЕНЦИИ МАНУИЛА II ПАЛЕОЛОГА¹

Правление императора Мануила II Палеолога (1391–1425) было важным этапом в поздневизантийской истории. Турецкая угроза становилась все более ощутимой. Империя утрачивала свои владения под натиском турок. И в этих условиях правительство пыталось найти пути спасения. С этой целью была предпринята знаменитая поездка Мануила в Западную Европу², которая, однако, не принесла ожидаемых результатов. Найти поддержку у Запада не удалось даже в обмен на предполагаемую унию двух церквей. Опасность, нависшая над Византией, стимулировала патриотические умонастроения.

В византийской литературе тема родины (ἡ πατρίς) была одной из самых распространенных, поскольку отношение к отечеству было мерилom гражданской позиции человека. Любовь к отчизне занимала особое место в системе ценностей византийца. В корреспонденции византийского императора Мануила II Палеолога эта мысль четко выражена лишь однажды, но по сути она пронизывает большую часть переписки. В письме Димитрию Кидонису, учителю и другу, Мануил II замечает, что “ты сделал бы правильно, приняв все во внимание, если бы... отделался от каждого приглашающего тебя отправиться в чужие земли. Ты должен держаться отечества лучше чем осьминоги скал”³, тем более что родину “захлестывает буря”⁴. Любовь к родине и патриотизм человека взращивались на примерах его предков. Оглядка на прошлое и оценка по особой шкале добродетелей были характерны для византийского сознания. Человек должен соответствовать своим великим отцам, поскольку “наибольшим позором было бы, если б хвала, воздаваемая их собственным предкам, измерялась ничтожностью сыновей, и что было бы гораздо худшим злом для сыновей быть менее выдающимися, чем их отцы”⁵. Любовь к отечеству укреплялась осознанием причастности к блестящему прошлому своей страны.

Тоска по родине и желание скорого возвращения возникали у Мануила II во время его дальнего путешествия в Западную Европу⁶, как, впрочем, и у

¹ Доклад прочитан на XVI Всероссийской научной сессии византистов (Москва, 2003 г.).

² Васильев А.А. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399–1403)// ЖМНП. 1912. Т. 5–6.

³ The Letters of Manuel II Palaeologus / Ed. G. Dennis. Washington, 1977. Ep. 12. 17–19.

⁴ Ibid. Ep. 12. 26.

⁵ Ibid. Ep. 45. 89–91.

⁶ Мануил II в письме из Парижа (где он останавливался в 1400 г. в период своего путешествия по Западной Европе) к находящемуся в Италии Мануилу Хрисолоре писал о своем страстном желании скорейшего возвращения в родные пенаты: “Если необыкновенная зависть недоброй судьбы не будет мешать и не появятся неожиданные препятствия, у нас есть большая надежда, что мы скоро вернемся на родину, чего ты желаешь и против чего молятся наши враги” (Ibid. Ep. 37. 16–19). Вероятно, Хрисолора, как никто другой, мог понять эту тягу на родину своего друга, поскольку сам переживал подобную разлуку.

любого, кто оказывался за пределами отечества. Безусловно, для многих византийских писателей конца XIV–XV в. разрыв с родиной был равнозначен духовной смерти человека: “Человек, покинувший свою родину, подобен крылатому муравью: как тот гибнет, пускаясь в полет, так и человек этот губит себя, странствуя с места на место”⁷. Возможно, поэтому проблема эмиграции для многих становилась проблемой нравственного выбора.

Образ родины в письмах Мануила II окрашен в трагические тона. Описывая состояние Византии, Мануил подчеркивает всю сложность ситуации, в которой пребывает империя: “Положение дел в стране... превзошло и затмило все трагедии”, “Любимая тобой страна в жалком состоянии”, “Бедствия, которые обрушились на нас и которые еще угрожают”⁸. Бедственное положение отечества связано, по мнению Мануила, с трудностями внешнеполитического и экономического характера. Финансовое состояние государства весьма плачевно, императорская казна пуста. Сам император жалуется на “недостаток денег, причиняющий вред каждому в отдельности и государственным делам в целом”⁹. Любой, как пишет Мануил, может “обнаружить нас нуждающимися в деньгах”¹⁰. В такой ситуации следует только уповать на Бога, во власти которого исправить материальное положение страны: “Пусть Господь в скорости избавит нас от этого и одарит благоденствием наших предков”¹¹. В нищете пребывает и население империи: “... почти все они (сограждане. – Т.К.) словно Иры, и легко пересчитать тех, кто не ложится спать голодным”¹². Еще в 1383 г. в период своего деспотата Мануил пишет из осажденной Фессалоники учителю и другу Димитрию Кидонису, что почти невозможно управлять обнищавшими жителями: “Никто не сможет править вашими согражданами, если их взгляды останутся неизменными, если только прежде не осыпать их золотом”¹³. Император тем самым осознает, что политическая стабильность в стране напрямую зависит от материального благополучия ее подданных.

Даже в императорском дворце царит хаос, “все наполнено шумом, который невозможно прекратить из-за постоянной нехватки слуг”¹⁴. Толпы настойчивых просителей заполнили покои, что-то требуя от василевса (“люди снаружи, внутри и повсюду, угнетенные серьезными делами, тут стояли латинянин, перс, гражданин, иностранец, много монахов, каждый из них требуя своего и гомоня, так что было бы бесполезно искать предлог для отдыха”¹⁵).

К экономическим трудностям прибавлялись политические проблемы. Территория страны сокращалась. Земля, которая некогда “обладала счастьем быть населенной и управляемой ромеями”¹⁶, ныне представляла собой печальное зрелище. Обеспокоенность и тревогу у императора вызывало

⁷ *Мазарис* // Византийский сатирический диалог / Под ред. С.В. Поляковой, И.В. Феленковской. Л., 1986. С. 124.

⁸ *The Letters of Manuel II Palaeologus*. Ep. 6. 15–16; 22; 28–29.

⁹ *Ibid.* Ep. 44.29–30.

¹⁰ *Ibid.* Ep. 4.8.

¹¹ *Ibid.* Ep. 44.31–32.

¹² *Ibid.*, Ep. 4.15–16.

¹³ *Ibid.* Ep. 4.10–12.

¹⁴ *Ibid.* Ep. 44.18–19.

¹⁵ *Ibid.* Ep. 44.22–25.

¹⁶ *Ibid.* Ep. 16.22–25.

забвение греческих названий городов и местностей, некогда входивших в состав могущественной державы. Во время малоазийского похода в 1391 г. перед взором императора открылась печальная картина упадка и разрушения: “Большинство этих городов сейчас лежат в руинах, жалкое зрелище для тех, чьи предки когда-то владели ими... Когда кто-нибудь, не зная о древнем названии города, называл его варварским или звучащим по чужому именован, я громко плакал и едва мог скрыть мою печаль”¹⁷. Сам император признает, насколько далеки универсалистские притязания от реалий его дней.

Византия оказалась в вассальной зависимости от главных врагов империи – турок, о которых Мануил II говорит, что они “долгое время невыносимо распутничали, богохульствовали, насмехались над святыми и жили в роскоши среди потоков крови и убийств”¹⁸. Он подвергает критике ислам и поносит Мухаммеда, которого наделяет хлесткими эпитетами: “антихрист”, “самозванец”, “лжепророк”¹⁹. Император был вынужден, однако, даже выступать в походах на стороне тех, кто являл собой основную угрозу отечеству: “Но для нас особенно невыносима обязанность сражаться вместе с теми и за тех, усиление которых уменьшит наши собственные силы”²⁰. Мануил II отдает себе отчет в серьезности положения, в котором оказалась родина из-за его вынужденной коалиции с турками, но изменить ситуацию было не в его силах, поэтому он лишь констатирует безысходность ситуации: “Мы меняем страх на страх, опасность на опасность, труд на труд, меньшие [беды] на более серьезные, я имею в виду те, которым мы подвергаемся сейчас в коалиции с персами (турками. – Т.К.), в сравнении с теми, которые можно ожидать от них, если бы мы не сражались вместе с ними”²¹.

Власть императора в охваченном бедствиями отечестве весьма эфемерна, как подчеркивает Мануил II в письме к Кидонису: “И не говори, что для императора легко дать тысячу статеров и давать такую сумму часто, когда ему тяжело отстоять власть над страной”²². Но именно правитель, по определению Мануила II, “более чем кто-либо обязан сохранить корабль на плаву”²³. Все усилия василевса направлены на то, чтобы “поддержать единство ромеев, а не думать о собственной выгоде”²⁴. С этой целью он предпринимал всевозможные шаги, включая переговоры и дальние поездки в поисках спасения от нависшей угрозы. Император способен на все, лишь бы получить хоть малый шанс на спасительную надежду. В письме Кидонису в 1385 г. в период фессалоникийской осады будущий император выражает свою готовность на совершение даже сомнительных действий, если только есть хотя бы слабая надежда на успех: “Я считаю необходимым, согласно пословице, сеять камни и бросать семена на всякий случай в песок и ждать урожая, как будто с плодородной земли. Ибо ныне обстоятельства принуждают нас к этому”²⁵. Но тщетны были все усилия Мануила II, которые он предприни-

¹⁷ Ibid., Ep. 16.27–39.

¹⁸ Ibid. Ep. 31. 91–93.

¹⁹ Ibid. Ep. 31. 95–96.

²⁰ Ibid. Ep. 19.8–10.

²¹ Ibid. Ep. 14.25–28.

²² Ibid. Ep. 12.8–10.

²³ Ibid. Ep. 45.174.

²⁴ Ibid. Ep. 9.37.

²⁵ Ibid. Ep. 8.8–10.

мал, в частности, в период своего заграничного путешествия. В письме на родину он пишет: “Я убежден, что наше спасение требует дел, а не обещаний. Сейчас я получил самые прекрасные обещания, но сильно сомневаюсь в их исполнении”²⁶.

Отчаяние, вызванное сознанием невозможности переломить ситуацию, порой сменялось в корреспонденции Мануила II проблесками оптимизма. В письме Пофу он высказывает надежду на благоприятный исход дела: “Ты сможешь увидеть меня благополучно вернувшимся к тебе, как награду за свои труды и опасности принеся безопасность, насколько возможно, нашему отечеству...”²⁷. Автор надеется, что его усилия все же увенчаются успехом: “Достаточное утешение для меня – заботиться о том, чтобы, может быть, труды правителя оказались благом для его народа”²⁸. Но ситуация не менялась, и Мануил обречено признавал, что “при нынешнем положении общественных дел я раб одолевающих нас забот даже больше, нежели господин собственных желаний”²⁹.

Причины бедствий и испытаний, выпавших на долю отчизны, Мануил видит прежде всего во власти переменчивой судьбы или в божественном наказании за человеческие прегрешения. “Судьба бушует хуже диких зверей”³⁰, “по воле Господа настоящее время неблагоприятно для нас”³¹. Беды, выпавшие на долю отечества и его граждан, являются, по мнению Мануила, следствием их же прегрешений. Поэтому единственный шанс на спасение – уповать на милосердие Господа, в силах которого все изменить: «Все же Бог “исцелит страждущих”. Так лучше для нас, кто все еще хранит добрые надежды, так говорить и сохранять веру. Он, который Один благостен – ибо Один только Бог благостен – никогда не разгневается на тех, кто сбился с пути»³². Христианский эсхатологизм такого рода в корреспонденции Мануила II сочетается с мыслью о личной ответственности за судьбу родины: “Я прошу Бога... о том, чтобы либо заслужить прощение для всех, либо взыскать наказание с меня одного”³³. В этих словах ясно выражено сознание ответственности императора за общее благо и процветание родины.

С образом родины тесно переплетается тема служения ей. Лучшей характеристикой для человека является признание того, что он “посвятил свои умения и свою достойную речь, украшенную блеском, нашему отечеству и его гражданам”³⁴. В письме-панегирике Иванку Мануил II отмечает как лучшее качество этого человека его преданность на службе родине и императору: “Ты был включен в различные другие дела, о которых ты знал, что они принесут пользу нашей стране, защищал закон везде, где он подвергался нападкам, подавал совет, когда бы он ни потребовался и оказывал твердую поддержку тем, кого угнетал рой невыразимо сложных проблем”³⁵. Долг

²⁶ Ibid. Ep. 41.20–21.

²⁷ Ibid. Ep. 17.23–25.

²⁸ Ibid. Ep. 44.53–55.

²⁹ Ibid. Ep. 44.51–52.

³⁰ Ibid. Ep. 50.13–14.

³¹ Ibid. Ep. 3.31–32.

³² Ibid. Ep. 31.46.

³³ Ibid. Ep. 6.59–60.

³⁴ Ibid. Ep. 45.60–61.

³⁵ Ibid. Ep. 45.68–73.

перед родиной, как и любовь к отчизне, предстает как *τόλος κοινός* для византийской литературы.

Безусловно, образ родины в изображении Мануила II Палеолога является индикатором его патриотических умонастроений. Анализ корреспонденции Мануила II демонстрирует отход автора от традиционного понимания патриотизма, базировавшегося на утверждении господства империи и превознесении ее величия. В письмах отсутствуют самые основы универсалистской имперской доктрины. Наоборот, констатируется факт территориальных потерь, бедственное положение империи и ее населения. Мануил говорит о могуществе своей отчизны как о былых страницах ее истории.

Образ отечества, который рисует Мануил, близок к тому, который создан другими византийскими писателями, в частности Никифором Григорой или Димитрием Кидонисом³⁶. Как видно, среди образованных людей своей эпохи, которых заботило будущее отчизны, царили общие настроения. Но яркой особенностью размышлений Мануила о судьбах родины было беспокойство, вызванное ощущением близящейся катастрофы. Если в конце XIII – начале XIV в. выраженное в византийской литературе чувство патриотизма переживало подъем и звучало оптимистично³⁷, то на рубеже XIV–XV вв., перед лицом явственно ощутимой турецкой угрозы, на место оптимистических упований пришли пессимизм и ностальгия. В размышлениях о родине и ее судьбе зазвучали трагические ноты. “Тяжелое бремя, мысль и главная причина скорби – это осознание того, что нынешние беды в действительности – [лишь] период мира в сравнении с теми, которые мы ожидаем вскоре”³⁸. Предчувствие беды византийским императором и писателем Мануилом II Палеологом оказалось пророческим.

³⁶ *Закржевская О.Г.* Концепция патриотизма Никифора Григоры (К вопросу о “греческом патриотизме” XIV в.) // АДСВ. 1977. Вып. 14. С. 85–95; *Поляковская М.А.* Понимание патриотизма Димитрием Кидонисом // АДСВ. 1980. Вып. 17. С. 45–52.

³⁷ *Irmscher J.* Nikäa als “Zentrum des griechischen Patriotismus” // RESEE. 1970. T. VIII. N 1. S. 33–47; *Idem.* Griechischer Patriotismus im 14. Jahrhundert // XIV Congrès international des études byzantines. Bucarest, 1971. S. 26.

³⁸ *The Letters of Manuel II Palaeologus.* Ep. 6.16–18.